

АЛЕКСЕЙ ТАТАРИНОВ

СМЕРТЬ РУССКОГО ГЕРОЯ

О романе Петра Краснова “Заполье”

Пётр Краснов живет в Оренбурге. В его краях я был всего один раз, но какой раз! Летом восемьдесят пятого года хилым юношей оказался в Тоцкой дивизии и служил два года, тяжело вращаясь в армейское сообщество, балансируя на грани последней депрессии, от которой был избавлен героическими усилиями матери и временами накачивавшей собственной волей, приходившей, наверное, из моего будущего.

Книжный мальчик, любивший трагические сюжеты и боявшийся реальности, я не знал слово “антисистема”, но находил ее повсюду: в 42-килограммовом снаряде, не подвластном мышцам интеллигента; в злобе офицеров, всегда помнивших о том, что до ближайшего – бузулукского – винно-водочного магазина надо добираться 70 километров; в архаичных танках, которые полчаса заводились, но так и не могли выехать из бокса; в самодовольных улыбках узбеков/туркменов/азербайджанцев, доминировавших национальными стаями над разрозненными русскими гнездами; в несоответствии повсеместно размещенных лозунгов правде стремительно нарастающего распада, гибели Советского Союза. Антисистема проступала даже в тусклых досках казарменного пола, который мы, призванные из Уфы студенты, чистили до одурения осколками бутылочного стекла.

Хорошим солдатом мне стать не удалось. Воспоминание об этом помогает, когда захлестывает безосновательная гордыня. Но кое-что мне удалось понять. Армия была наглядной моделью нашего разрушающегося государства. И все-таки главной антисистемой в оренбургских степях был я сам: забыв о только что начавшейся молодости, о том, что хожу по своей земле, долго пребывал под атакой вируса катастрофического недовольства жизнью. Как обреченный дурак, не мог включить механизмы воли, носился со своей слабостью, обвиняя армейский сюжет и всех, кто мог быть повинен в моей двухгодичной тюрьме. Антисистема существует. Но самое страшное, когда приходит мысль: она настолько существует, что уже нет смысла существовать тебе. Я выжил тогда, и слава Богу. А вот главный герой романа “Заполье” выжить не сумел.

У него, впрочем, условия несколько иные. Иван Базанов помещен автором в 90-е – не лихие, а муторные в однородности развала и тоски. Он еще сравнительно молодой, но уже опытный журналист, сохранивший честь и способный дать себе полноценный ответ на вопрос о происходящем в стране, о том, какие идеи и люди разрушают Родину. Владимир Мизгирь, человек не-

определенной профессии, неясных связей и непроясненных задач, начинает атаку на Базанова по двум фронтам. Во-первых, он предлагает ему возглавить новую, весьма серьезную газету, похожую на патриотическое издание, способное разоблачить преступников. Во-вторых, Мизгирь окутывает собеседника риторикой тщательно продуманного богоборчества, навязывая представление о “мерзкой данности творения”. Базанов стал редактором, усилил и до Мизгиря сидевший в нем бунт против условий существования, когда нечестивые торжествуют, а праведники обречены на быструю смерть.

Базанов собрал коллектив, ни разу не испугался острых тем, сделал газету по-настоящему успешной. Но на его лице нет радости. Безнадежно холодно дома: жена Лариса, даже родив дочку, не смягчилась, осталась агрессивно чужой и настояла на разводе, запретив Ивану общаться с ребенком. Вторая женщина, Алевтина, пришла к герою из мира богемы, блуда и ледяной философии, призывающей женщину интересоваться мужчиной до тех пор, пока он любым способом завоевывает мир, одаривая спутницу деньгами и энергией успеха.

Мизгирь, возвышаемый автором до роли стратега управляемого распада, все сделал для того, чтобы соратники Базанова погибли, а сам он остался без женщины, редакторской должности и самой газеты. Появилось время узнать о причинах недомогания и похуждения. Бороться с онкологией помогают врачи, друзья, искренняя женщина Лиза, способная любить так, как никто никогда Базанова не любил. Есть шансы на выздоровление, сам герой понимает, что многое находится в его руках, точнее, в его атеистической голове, в которой, наконец, должно прекратиться крушение мира и его Творца. Драматическое равновесие сохраняется некоторое время, но внутренняя энтропия перевешивает, и Базанов, бросая клинику, возвращается к матери в родное село, чтобы много страниц приближаться к гибели, смешивая в последний раз лучи возможного света с образами пустоты и непроглядной ночи. Зная, что не жить Базанову, автор показывает, как он умирает.

Если говорить об ощущаемой Петром Красновым традиции, то она там, где “Пирамида” Леонова и один из флангов романов Достоевского: объемные диалоги о кризисе человека и его возможном преодолении; атеистическая метафизика, использующая образ библейского Иова; падшая природа революции, решающей отнюдь не прагматические задачи. Жизнь человеческая тяжела, темна в своем течении и ведет к смерти, задолго до конца превращая душу в выжженную землю, по которой стелется дым. Мизгирь это проповедует. Базанов от этого умирает. Автор с этой идеей работает, стремясь показать, как совершается перенос внешней антисистемы в сознание человека, отвечающего смертельной болезнью на нестроения агонизирующего государства.

Мизгирь – демон “Заполя”: в этом сила и относительная уязвимость образа. На рубеже XIX–XX веков он мог быть главой общества декадентов–практиков, погрязших в разврате и богохульстве. В период созревания революции должен был стать двойным агентом, играющим на присутствии зла в обеих противостоящих системах. В разгар террора такие кадры могли создавать немыслимые сюжеты обвинения, в которые, как в воронку, втягивались невинные. В 90-е годы ушедшего века Мизгирь – кочующий масон, способный водить за нос правых и левых, незаметно обогащаться, наращивая личное влияние, организовывая показательные нападения и заказные убийства.

Мизгирь – деловой человек, незаменимый в легализации темных проектов. Он же – “Крошка Цахес”, “парадоксалист”, “содомит” и Вечный жид, решивший провести безлимитное время в провокационной деятельности профессионального искусствителя. Его сознание интересует автора как пространство откровенно черной пустоты, в которой потенциальная гибель страны сочетается с крушением отдельной личности.

Человек есть “шкурка, набитая скоропортящейся плотью”, он “опущен в физиологическую дрянь”. Мир – “безусловный конфуз создателя”, вся красота бытия – иллюзия, плохо скрывающая смерть. Бога ничем нельзя оправдать, все “злое творенье” – обвинение ему. Не за что любить “жизнёшку”. Христос – не аргумент: “По-настоящему спаси, чем представление на горе Лысой этой, голгофе устраивать, трагифарс!.. Чем провинилось создание твое, этот самый сапиенс, в корчах живущий, в страданиях – свободой воли, тобой же даденной и крайне сомнительной...”. Кое-как перенося пространственность мира, Мизгирь не может смириться с категорией времени, обре-

кающей все живое на неминуемое уничтожение. Денница не виноват, не бунт он устроил, а апелляцию подал.

Все это слышит Базанов, и в его сознании поселяется *внутренний Мизгирь*, спровоцированная актуальным мерзавцем национальная хворь – мироотрицание, нашедшее место в душе совестливого мужика. Ему бы биться с врагами России, с теми, кто унижает женщин и детей, посвятить жизнь освобождению земли от захватчиков, живущих на соседних улицах. Вместо этого русский атеист Иван Базанов продолжает воевать с Богом. И жизнью доказывает, что Мизгирь добился своего: заставил Базанова поверить, что нельзя вымести нечисть, потому что этого не хочет Бог.

В поиске формул, выражающих неприятие мироздания, Базанов опережает своего искусителя. Жизнь – “беспощадный беспредел”, мир гнусен и изначально жесток, он – “свинюшник”, “зверинец”, “всепожираловка”, “худшее из богохульств”. Повсеместно одолевает “вонючая грязь реальности” и бросает в глаза “мерзкая история человечества”. Картины ада срисованы с земных сцен, и “впору думать, что демиург сотворил это страдалище земное, чтоб питаться энергией”. В России 90-х все эти мысли получают поддержку социальных сюжетов, и читатель видит, как наша страна оказывается прекрасным местом для тех, кто вынашивает мироотрицание, получая необъяснимое удовольствие от систематизации фактов людских падений.

У героя есть старая мать, ребенок, женщина, соратники и друзья, есть талант, работа, обязанная стать служением, но ничто не перевешивает нарастающее “отвращение к злобному существованию”. Беда в том, что особое понимание мира приводит Базанова к желанию оскорблять мир в своих размышлениях, и на многих страницах романа разворачиваются картины нестроений, исключающие возможность хоть какого-то сближения с гармонией. И все меньше размышлений о проблемах России, но все больше горьких слов о коррозии вселенной.

Базанов – пример русского человека, одержимого реальностью собственного поражения. Он заранее готов проиграть, знает, что будет только хуже, и это особенно заметно в истории его личной жизни. Он играет “вторым номером” и с женою Ларисой, и с любовницей Алевтиной, и с Лизой, которая добра, тепла и человечна, но – поздно, слишком поздно. Базанов не замечает, как собственная супруга превращается в зверя, терзающего его не слишком сильную душу. Она не хочет крестить дочь, и Базанов как-то соглашается. Она ведет дело к разводу, и Иван следует за ее решением. *Крыса Лариса* лишает отца возможности видеть ребенка, и почти героический редактор вроде бы оппозиционной газеты ходит по обочине парка в надежде мельком увидеть дочь. “Редкая против пошлости устоит женщина”, – сетует герой, забыв, что он мужчина, у которого есть право поставить распоясавшуюся дрянь на место, взять судьбу в свои руки. *Заткни ей рот и поставь в дальний угол, чтобы это существо с “лихорадочно сухими глазами”, “не переносящее весну”, заскулило и перестало брызгать ядом!*

Куда там! Не успев развестись, герой попадает в лапы другой хищницы. *Ты хоть посмотри, что за баба бросает тебя в свою постель, изрядно измятую предшествующими любовниками!* Алевтина – дитя декаданса и постмодерна, любящая вырождение и не переносящая “кривые заборы” русского реалистического искусства. Предпочитающая пафосные позы и неумемное кокетство, эта “прошмандовка”, удивляющая Базанова искушенностью в постельном спорте, вертит им до тех пор, пока Базанов сохраняет редакторское место и шарм успешного человека, который неплохо смотрится в ее неприбранной квартире, забитой дорогой мебелью и техникой. “Ты нуль, круглый дурак, лузер, отброс, лохмэн идейный”, – слышит от нее Иван, едва потеряв работу.

Заболевший, ковыляющий от одной химиотерапии к другой, Базанов был найден любившей его Лизой – искренней, радостной, женственной, готовой нести на себе русского героя через все поля сражений. *Ты сделай все, чтобы полюбить Лизу, согрейся наконец!* Молодая женщина, которая обрела счастье в разобранном мужчине, “хочет в завтра”. Вроде бы Иван не против, но опять впадает в вялость, не может дорасти, добраться до той любви, которая сгребет в ладонь все его головные недуги и швырнет в сторону Володи Мизгиря. Духовное безлобие Ивана Мизгиря превращает в активнейшую внутреннюю агрессию, и Базанов не замечает, что объектом агрессии оказывается не какой-то внешний враг, а его собственное сознание, которое отрави-

лось негативной идеей и послало сигнал в глубины организма. Поэтому размышлять о несовершенстве бытия Ивану слаще, чем начать строить простую жизнь, где есть место для повседневного света.

Иногда Базанов вспоминает своего старшего брата Василия, безвременно погибшего. Добрым и тихим был Василий. Никому не делал зла, ценою собственного здоровья смог спасти парнишку, который получил сильнейший удар током. Был несчастлив в семье и молча, ни с кем особо не разговаривая, носил свою печальную думу, необъятную тоску, не имеющую одной-единственной причины. Как и многие стихийные гностики, ничего не слышавшие о Валентине и Василиде, никогда не читавшие “Евангелия от Фомы”, стал пить. Сначала просто пить, а потом так, как ни у кого, кроме русских, и не бывает. Василий повесился, зло он мог принести только себе. *Ты посмотри на брата – хорошего человека, который должен был правнуков в школу водить, а вместо этого лёг в могилу, никого не родив, ничего не оставив, кроме родового вируса, уже заразившего тебя!* Все это Базанов знает, пытается исцелиться, но у него ничего не получается.

“Заполье” – русская трагедия, но приобщение к ней осложнено двумя объемными потоками информации: *производственным*, связанным с долгими обсуждениями газетного дела, хотя и в контексте судьбы основных героев, и *публицистическим*, обращенным к детализации историософских идей, сохраняющих смысловую стабильность на протяжении повествования. При таком числе страниц и многочисленных вариациях уже прозвучавших заявлений идея рискует превратиться в *стиль*, в некий навязчивый лейтмотив. Энергия взрыва нуждается в локализации пространства. Силе трагедии способствует отсечение. Думаю, оно увеличило бы число читателей “Заполья” – одного из самых масштабных русских романов нового века.

Автор длит повествование, дает каждому герою высказаться полностью, развернуть свою картину миру, позволяет Базанову снова и снова обрушивать на нас внутренний монолог, надеясь, что произойдет чудо и главный герой на последнем вираже сумеет вернуться в жизнь. Но герой уже “не хочет” и “не может”.

Чуда не происходит. А я вспоминаю своего отца. В начале 80-х отец, никогда не веровавший в Бога, начал говорить мне о близком воцарении дьявола в истории, о том, что ресурсы добра исчерпаны, а окончательное поражение рода людского не за горами. Горбачевское время укрепило его в апокалиптизме, который отец пытался выразить и философскими построениями, и математическими формулами. Я не мог до конца понять его нарастающее отчаяние, чувствовал, что он ищет и не находит какого-то сверхочевидного слова, призванного все расставить по местам, сделать главное предельно ясным. На все замечания о наступлении эпохи свободы и удивительных возможностей отец указывал на катастрофу устойчивых русских границ, на приходящего *золотого тельца*, и считал это симптомом чудовищного кризиса человека, с которым вряд ли ему удастся справиться. К девяносто четвертому году все чаще отец стал чувствовать недомогание, нарастающую слабость, к врачам, как и прежде, обращаться отказывался, терпел боль, носил ее в себе и узнал об онкологическом диагнозе за полмесяца до смерти, когда не было смысла ни в операции, ни в химиотерапии.

Иван Базанов – падший бунтарь или павший герой? Он так часто и обстоятельно говорит о своем скепсисе и мироотрицании, так настойчиво нападает на Творца и творение, что слово о безнадежном падении представляется возможным. При желании можно обвинить его в бездействии и кощунстве, в том, что проиграл себя, не защитив страну.

Логика “Заполья” и жизненный опыт подсказывает мне другой ответ: Базанов – далекий от праведности мученик 90-х, растерзанный своим неприятием новой русской жизни. Наблюдая за глобальной перестройкой, Иван не способен остановиться в горестных и одновременно дерзких выводах об ущербности текущей истории, отражающей более значимую и не нами созданную *трещину*. Он не стал челноком или киллером, не выбрал роль высокооплачиваемой прислуги, не стал очередным *мизгирем*, сочетающим презрение к человеку и житейский комфорт. Базанов не вынес открывшегося ему миропонимания, надорвавшись – вместе с тысячами других мужчин и женщин – от переживания русского поражения. Он достоин сожаления и памяти. Добрая память будет значимее, если русский человек перестанет быть врагом

самому себе, прекратит угасать в мыслях о том, что антисистема не исчезнет, пока не погубит нас.

Мизгирь пытается убедить, что Бог — тиран, человек — мерзость, мир — обречен, а Россия давно мертва. Эта мысль доводила Ивана Базанова до тошноты, и у нас от безразмерного пессимизма тоже бывает жестокая интоксикация. Надо собрать волю в кулак, очистить взгляд от информационных истерик, перестать рыдать о необратимости национальных драм. Посмотреть на солнце: оно ярко светит. Окинуть мысленным взглядом страну: она еще наша. Услышать Церковь: в ней много новых сильных людей, способных вымести мизгирия не только из сердца. И не забывать: Иван Базанов погиб, поверив в безраздельную власть антисистемы. Антисистема — эта змея угасания — нуждается в том, чтобы мы верили в ее неодолимую силу. Этого допустить никак нельзя.